

ГАЛИНА
ЩЕКИНА

АСКЕТ

ПЬЕСЫ

Галина Щекина

Аскет. Пьесы

«Издательские решения»

Щекина Г.

Аскет. Пьесы / Г. Щекина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506955-9

О книгах Галины Щекиной говорят, что они сценичны или кинематографичны. Это потому, что в них есть действие, динамика людей и событий. Здесь представлены две пьесы Щекиной — «Аскет», «Бася и Коль». Автор считает их пьесами для чтения, но пьеса «Бася и Король» была поставлена в детском театре-студии «ПодРосток» в Вологде в 2007 году под руководством В. Шахова и Т. Слинкиной. «Треугольник» — короткая одноактная пьеса.

ISBN 978-5-00-506955-9

© Щекина Г.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Галина Щекина	7
Действие 1. Выход на публику	8
Сцена 1. В актовом зале	9
Сцена 2. Лито на задворках	11
Сцена 3. В читальном зале	15
Сцена 4. В колонии	18
Действие 2. Праздник	20
Сцена 5. В котельной	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аскет Пьесы

Галина Щекина

Художник, автор обложки Игорь Леонидович Романенко
Корректор Екатерина Козицина

© Галина Щекина, 2019

ISBN 978-5-0050-6955-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Галина Щекина родилась в 1952 в Воронеже, там же закончила университет. В Вологде с 1979 года. Начала писать в 1985, публиковалась в местной периодике, в журналах «Дружба народов», «Вологодский Лад», «Север», в альманахах «Илья», «Стороны Света» (Нью-Йорк), в журнале «Хомо легенс», интернет-ресурсе «Мегалит», в журналах «Дружба народов», «Урал», «Подъем» (г. Воронеж). В 2008 вышли книги «Ор» и «Графоманка», в 2010 поэма «Горящая рукопись», в 2011 книга стихов «Астрофиллит», в 2013 роман «Тебе все можно». Пишет прозу, критику, стихи, пьесы. В Журнальном Зале:

«Дружба народов», №4 за 1996 г. Инверсия, рассказ;

«День и Ночь» за 2005, Графоманка, роман;

«Урал» №7 за 2014 г. «Хоба» Психологическая повесть.

Повесть «Хоба», включена в хрестоматию для средней школы (сборник «время ставит метки» 2015). В 2017 вышел роман «Несвадебный марш».

Член Союза российских писателей с 1996, основатель Вологодского отделения СРП. Награждена премией фонда «Демократия» в 1996, именной медалью Ильи Тюрин в 2007 как координатор проекта «Илья-Премия» по Вологде. Финалист премии Русский Букер 2008. Третья премия «Народный писатель» в 2012 на Прозе.Ру. Четыре сборника стихов. В 2014 стих «Где моя родина» получил 2 место в Лермонтовском конкурсе. С 2003 по 2015 вела литературную студию «Лист» для молодежи, оказывала помощь по работе лито «Ступени», которому более 40 лет. Секретарь премии «Эхо». Участник Анчаровских чтений в Москве.

Галина Щекина

АСКЕТ

Пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Николаич, поэт, седой, клетчатая рубаша, в 1 и 4 действиях – в пальто и шарфе.

Петровна, жена Николаича, седые волосы, стрижка, очки, длинная юбка, блузка, в 4 действиях – стеганый жилет.

Нила, библиотекарь, джинсовка.

Клим, критик, большой свитер, борода.

Филипп, ученый, кожаная куртка.

...Овский, представитель, костюм, портфель.

Гриня, молодой начинающий, толстовка, длинный шарф.

Селена, пожилая, парик и бархат.

Калинова, поэтесса, в шали.

Родион, самородок.

Отец Михаил, священник, ряса, крест.

Врач, короткий белый халат и свитер.

Охранники.

Военные.

Девочка, мальчик, дети Нилы.

Мальчик.

Все.

Действие 1. Выход на публику

Сцена 1. В актовом зале

Место действия – сцена большого зала, трибуна, длинный стол с красной скатертью. Фон – большие плакаты «Все на выборы!» и «Искусство принадлежит народу!». Гул толпы, хлопанье откидных кресел. Звучит «Интернационал».

Клим: Товарищи, внимание (*стучит о графин ручкой*). Давайте уважать друг друга. Этот зал нам дали, чтобы поддержать демократические начинания в нашем обществе. Вот вы встретились с представителями двух партий из коалиции. И к нам сегодня из Москвы прибыл представитель еще одной известной партии. Он же наш земляк, кстати. Ему ли не знать наши проблемы.

Сильный шум, крики: «Да хватит уже», «Сколько можно говорить», «Когда будут поэты?», «Говорильня нам не поможет», «Что его слушать», «Ему бы в Думу пролезть», «Бросьте, он в Думе давно».

Клим (*повышая голос*): Товарищи, у нас как нигде высокое общественное сознание. Разве можно думать только о себе? Россию надо обустраивать сообща.

...Овский: Дорогие товарищи. Я ненадолго займу ваше время.

Голос из зала: «Да все вы понемножку».

...Овский: Как депутат я неоднократно получал запросы по части судебных ошибок. И проводил депутатское расследование. В своих отчетах перед избирателями я уже пояснял: «Далеко не всякое неправильное судебное решение является заведомо не правосудным. От ошибок никто не застрахован, в том числе и судья. И за свои ошибки судьи тоже могут понести ответственность и по закону, и по Кодексу судейской этики. Но сейчас мы говорим только о тех и таких незаконных судебных актах, которые выносятся судьей осознанно, с прямым умыслом на совершение преступления, с ясным пониманием смысла своих действий и их последствий. Очень важен анализ мотивов профессиональных деяний судьи, от некомпетентности и ложно понятых интересов службы до пренебрежения должностными обязанностями». К сожалению, в последнее время мы наблюдаем настораживающую тенденцию политизированности решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. Г. А. Зюганов, Н. А. Останина, В. Ф. Рашкин, Н. М. Харитонов – вот далеко не полный список депутатов Государственной Думы от ка-пэ-эр-эф, которые стали жертвами политизированных судебных решений. Если уже депутат Государственной Думы не в состоянии защитить свои права, то что же можно говорить об иных, «простых гражданах» Российской Федерации? Поэтому огульно мы не будем рассуждать. Сегодня наша партия с удвоенной силой... (*перекрикивает шум в зале*) как никогда, с удвоенной силой...

Все (*выкрикивают*): Мы поняли. Надо голосовать за вашу партию. А то как же! Следующий!

Клим: Граждане, ну дайте же ему договорить. У нас остался всего один представитель, и мы после переходим к самой интересной части нашей встречи. А именно – к литературной. У нас во втором отделении программы выступят такие выдающиеся авторы современности, как Ольга Александровна, Виктор Вениаминович, Михаил Николаевич, Сергей Петрович, Александр Алесандрович. Вот они все, сидят в первом ряду.

Николаич в шарфе, в пальто, выходит из-за кулис, обходит стол и стулья, трибуну с ... Овским. Клим пытается его поймать, широко расставив руки, но Николаич, надменно куря, пересекает сцену, хочет уйти.

Все (*выкрикивают*): Не уходите, читайте! Ради вас, поэтов, пришли! Вам будем верить, а не этим!

Клим: Слушай, Николаич! Мне поручено вручить тебе Почетную грамоту! Куда же ты пошел?

Все: Просим! Просим! Просим!

Николаич: Оставь грамоту себе, Климушка, тебе она нужнее. У меня на самокрутки есть бумага. Да и не заработал я грамоту, сам видишь.

Николаич ищет ступеньки, чтобы сойти со сцены, скрывается из виду. Где-то оглушительно скрипит дверь. На фоне общего шума толпы слышен за сценой ветер и голоса Николаича и Петровны.

Петровна: Что ты наделал? Зачем ушел?

Николаич: Я не буду у них по нитке ходить.

Петровна: Ты сам хотел выйти к публике. Быть услышанным. Сказать людям, что ты думаешь о политической ситуации. Свою гражданскую мысль!

Николаич: Но не к такой публике. У них выборы, электорат согнали. А у меня есть выбор. Кому читать, что и когда.

Петровна: Николаич!

Николаич: Петровна!

Петровна: Николаич...

Николаич: Эх, Петровна...

Голоса удаляются.

Клим: Извините, товарищи, у нас накладочка. (*Смех в зале.*) Попрошу уважаемую Ольгу Александровну. Что? Ах, у нас по плану еще один представитель? Ну, так вот это он и был! Уже выступил! Можно закрыть первое отделение и начинать второе. Выходите!

Звучит мягкий голос Ольги Александровны на фоне русской балалайки.

Ольга Александровна: Печаль твоя понятна,

Звоночек мой родной!

Бегом бегу обратно

За заступом домой.

И яростно копаю,

И весело пою,

И струйка голубая

Спешит в ладонь мою.

Несу по огороду

На утренней заре

Серебряную воду

В серебряном ведре.

Сцена 2. Лито на задворках

Тесная комнатка. Кругом носилки, ящики, ведра, метлы, козлы и грубые лавки. Посредине стол, составленный из трех разнокалиберных столов. За ним сидят Николаич, Петровна, Филипп, Гриня, Селена, Нила, Калинова, Родион.

Нила: Ребята поэты! Очень рада видеть вас. У нас сегодня авангардиста нет. И Макарыча, председателя нашего, нет, он болен. Будем еще ждать? Я тоже думаю – не будем. Спасибо вот Селене. Она нам открыла дворницкий кабинет. Петровна, чем вы там шуршите так громко?

Петровна: Не ворчи, люди с работы. Я принесла пирожки из столовой.

Шум, все радостно расхватывают пирожки.

Нила: Петровна, добрая душа. Вы не понимаете, что теперь все думают не о стихах, а о жратве. Мне стыдно! Не делайте так больше. А у нас, кажется, гости. Представьтесь.

Калинова (*держит в зубах цветок*): Да, среди вас, наверно, одна я незнакомая. Калинова я. А ходила я на лито тогда, когда вас никого тут не было, а был председатель, Макарыч, он и приглашал. Были еще двое, они в Союзе. Да вот еще Николаича знаю по публикациям. Вот это же ваше? «Не заблудился я, но все же поаукай. Я не замерз, но не гаси огня. Я не ослеп, но протяни мне руку. Я не ослаб, но пожалей меня».

Николаич: Один—ноль. А ну-ка, теперь свое!

Калинова (*низким голосом*): Ради бога. Только меня не печатают в партийных газетах, как некоторых.

Под свист комариной метели,
Припав к золотому костру,
Свое приворотное зелье
У Кибаксы-речки варю.
Готовлю лесные приправы.
Воды набираю в реке.
И плещутся звезды и травы
В моем колдовском котелке.
...Колдую у края болота,
Я варева в кружку налью
И зельем своим приворотным
Тебя перед сном напою.
Чтоб нас никакие напасти
С тобой разлучить не смогли,
Тебе наливаю насчастье
Зеленое зелье земли...

Все хлопают.

Нила: Дайте, дайте мне! Я в сборник вставляю.

Гриня: погоди ты. Как бы тебе кой-чего не вставили. И вообще! Решает председатель лито.

Шум, голоса. Кто-то выкрикивает: «Болеет он!»

Николаич (*почти кричит*): Слушайте, слушайте ее. Тихо!

Калинова: Еще, что ли?

Смотрю на вырубки рябые,
Бинты снегов на свежих пнях.
Сегодня ранили рябину,
Как будто ранили меня.
И не осколками прошили,
Война здесь вовсе ни при чем.
Подшибли просто по ошибке
Рябины хрупкое плечо.
И тут бывает не до сказки
О людях добрых или злых,
Когда ложатся, как повязки,
Снега на сучья, на стволы.

Все хлопают.

Нила: Стихи дайте. Пожалуйста. Хотя бы то, что есть с собой.

Гриня: Вот заладила. Как будто здесь больше никого нет.

Нила: А кто? Ты, что ли? Что ты гостю рот затыкаешь? Николаич! Чего он?

Николаич: Чтой-то это за лито. Не ведет его никто.

Все шумят. Кто-то выкрикивает: «Ну, пусть прочтет!»

Петровна: Так мы тут каждый раз сидим. А тут человек в гости пришел.

Калинова: А что? Он прав. Надо всем по кругу слово давать.

Гриня: Вы тут все приличные. До «не могу». Каждый же выпендривается. А я такой, как есть.

Родион: Чего ты как девочка? Не оправдывайся.

Гриня: Да лучше ты. Ты самородок.

Родион: Вот блин. Ну, давай про мою прошлую.

Гриня: Мне осталась от любви головная боль,
Да тропиночка домой припорошена.

И прощальный поцелуй – как на рану соль:

Что ты сделала со мной, нехорошая?

Под ногами, как укор, глухо снег хрустит,

Я невесело иду под осинами.

И прощальный поцелуй на губах горит —

Все же лучше б ты была некрасивая.

Отшумит хмельной дурман в буйной голове,

Жизнь изменится еще, скоротечная.

Не узнаю никогда, знать не надо мне,

С кем ты завтра ляжешь спать, бессердечная.

Заметет метель-пурга мой неровный след,

Позабуду навсегда горечь прошлую.

Может, не было любви, может, вовсе нет,

А целую я опять нехорошую.

Молчание. Николаич покашливает.

Николаич: А что? Я бы сказал – не пустое. Автор судит себя, а не кого-то.

Нила: Мне нравится. И сразу хочется нехорошей быть.

Селена: Оно же настоящее, из жизни. Больно от него.

Калинова: А вам что нравится? Когда стихи напоминают что-то ваше, из вашей жизни? Или как написаны? Это нравится?

Петровна: Ну, на этот вопрос мы пока не готовы ответить. Давай другой стих.

Гриня: Я страдал, словно горький пропойца,

Пить хотелось, как сроду не пил.

Вон, колодец стоит за околицей —

Счастья тем, кто его мастерил!

Жарким днем может всяко почудиться,

Только тут подтолкнула судьба,

Я нагнулся и вздрогнул от ужаса:

Я в колодце увидел себя.

Николаич: А, черт! Зацепило.

Родион: И меня.

Нила: Чернуха какая-то.

Родион: Девушка, да не все же вам про любовь.

Нила: А насчет пропойцы... Гриня, ты лучше бы сюда под газом не приходил.

Николаич: Нет, Нил египетский. Может, как раз у нас не лит-объединение, а литр-объединение. А ты, Родион, чего молчишь? Мы должны вместе разбирать, если у кого что заржавело.

Родион: Так у меня рассказ. В следующий раз прочитаю.

Все: Нет, сейчас!

Родион (*читает*): «Дабы весь год в достатке да с хлебушком на столе быть.

Авдеич, говоришь, натакал? Слушать-то можно, токо Морозка повидать надо, а то не описать... Я-то, верно, сама видала. Он был, Морозко, некому боле. Да не сразу меня догадка взяла. Ну, уж как есь – выскажу. О ту пору я молода была, со вторым тяжелая. Акимушке, старшенькому, трех ишшо не стукнуло. Понаехали гостейки: мама, божатка – четыре ночки радела я. Акимушка прилипчивый – то по всему дню один, а тут бабушка его не с рук. Ранше строго: севодни роди, назавтра на роботу поди. Вот мама и бает: опусти да опусти Акимку погостить. А далеко, слышь, трицетть верст, и все лесом.

Я к батьку – мужу, значитца, а он: опускай, хоть сыт будет. Суседей не обременять, за пригляд не платить. Опять польза. И там – не с чуже-начужо – родная бабушка.

Увезла мама Акимку. Я с темна до темна в работе: все за сенам на конях. А спокою нетока: как сыночек мой? Нет-нет да зареву.

Батько в матюки: пускать, мол, неча, коли ни жить, ни быть!

А тут почтарь поклон привез: занемог Акимушка. Я к председателю: «Дай лошади, за ночь обернусь». – «Нет, Офонасья, не дам, эстоль зверья, летом бы – так нисколь не жалко». – «Посочувствуйте, – прошу, – там дитятко мое, немоглое». – «Не, Офонасья, и не проси! Тебя, так и быть, на день ослобоню, а лошади не дам, не ровен час, не обидься».

День отробила кой-как, не заходя домой, кинулась. Бежу голодная, холодная и усталая. Сколь отошла – лес кругом да мугла. Ой, как мело!

Страх разобрал: не дотти все одно, а итти-то надо. Как до Каксура дошла, не помню, все торопесь, все в набег, хоть и убродисто. Дале как податься – с ума не шло, вот и заглянула к Уляшке, думала, Иван дома, друг бы довез. Иван батьку-ту – братан родный. Да не довелось его.

Ульяна ночевать оставляла: темень, мол, ни пути-дороги – поземка. Иван, глянь, завтра должен, – так и отвезет. «Поздно мне к завтраму – через день на работу поспеть надо». Засобиралась я, а Ульяна: «На, Офонася, выпей стокан вина, ходчая и легче пойдешь, не близко ведь».

Была – не была. Выпила я. Уля меня перекрестила, и пошла я. Ходко с вина-то поначалу, а потом хоть ложись.

И страх ошшо пуще. Сколь верст оставалось? Чую – все, не добраться до Акимушки. Взмолилась я: «Господи, Господи... Не оставь, Господи!»

И чукося, витер утих, небушко вызвездило. И скрип сзаду...

Оглянулась я – в пот бросило! Лошадь – вся в инью, а седок в розвальнях в шубе мехом наружу. Тутюшня я – схожева до сех пор в округе не сыскать. Шуба ворсистая, серебряная, так и свитит, сам рукой махнул: садись-ко.

Я бы рада икнуть да в лес, протрезвела, испереполохалась, а мне ровно кто рот зажал, и ноги подсеклися, ватные стали. И будто толкает тихохонько: не бойся.

Шагнула я, опустилаь. И тепло мне, не вижу я ничего – только месяц да звезды. Куда барин правит, не ослепуешь. Опамятовалась, гляжу – Починки! Ладно везет.

И усталость у меня пропала, и спросить охота: кто ты, батюшко? А не смею. А он и дом знает, остановил: выходи, девонька! Понятливо, молчит. Начала я его в избу звать, угостить бы чем, а он лошадь поторопил. То ли витер нанес, то ли лес прошумел, то ли сани соскрипели: недосуг, милая. Мама меня увидала, глазам не поверила: «Как это ты? Весь вечер сусутижь пороша...»

А я к Акимушке скорей! Спит мое робятко! Рученьки, ноженьки – наглядеться не могу, а слезы бежат и бежат, как горохи. Про все забыла.

Наутро мама сходила до Петруши Микитина, он к нам в село за дегтем собирався, сговорила его, кабы нас не забыл. Выехали, а никакова следу. «Должон, девка, след, – смеялся Петруша, – ты же не летом прилетела». Да нигде – ни тропинки, ни санного полоза. Вот как мне подвезло – овыдень туда и обратно! Акимушка-то? Да здоровенький, токо тосковал шибко. Вот и говорите теперь – Бога нет!

А батько по избе скачет, все матюки собрал. Уж и председателя – сбегал – выматюшил. Акимку увидел, замолчал. И я молчу. Потом, нескоро, Авдей забрел и высказал: «Морозко вез тебя, Офонася».

А я опять промолчала, все одно разглядеть не успела. Мужик как мужик. Шуба, правда, чинно-важная – у нас таких не носят...»

Сцена 3. В читальном зале

Место действия – библиотека. Читальный зал, где висят плакаты «Искусство принадлежит народу» и «Без книг мы ничто». Слышится музыка «Вставай, страна огромная». Входит Нила, ведет Николаича, усаживает за стол. Он в том же легком пальто и клетчатом шарфе. Нила входит снова, ведет класс учеников, рассаживает.

Нила (*выглядывая из дверей*): Товарищи библиотекари, заходите. (*Впускает группу женщин.*) Садитесь на свободные места, товарищи. Вот там, за стеллажами, есть еще банкетки.

Сквозь толпу протискивается Селена с пачкой бумаг, машет Ниле.

Селена: Нила! На минуту.

Нила: Что случилось? У меня мероприятие.

Селена: Да рукопись моя. Мне книжку надо срочно.

Нила: Давайте потом. У меня запарка. Посидите, послушайте. Потом поговорим. Что вдруг в пожаре таком?

Селена: Да мне денег дали, макет нужен. Ладно, посижу час.

Нила (*про себя*): Вот тихоня! (*Собравшимся.*) Здравствуйте, товарищи! Мы очень рады, что наша встреча проходит в дни Общероссийской конференции библиотекарей «Книга сегодня и завтра». В рамках конференции вы уже были в областной библиотеке, где познакомились с ее структурой и с электронной библиотекой в компьютерном зале. Вы слышали, что говорят специалисты? Что скоро мы перейдем на электронные книги, а бумажные останутся в библиотеках только как образцы древней письменности вроде глиняных табличек. Но сегодня мы познакомимся с человеком, без которого книг не было бы, по крайней мере, стихотворных. Да, ребята, это живой настоящий поэт, пишущий сегодня. Вот тут вы можете увидеть стенд с его публикациями. Видите? Вот областные газеты, вот общероссийские, вот журналы, коллективные сборники. Перед вами местный поэт Николаич, вот его книги – «Свет» и «Смещение». (*Аплодисменты.*) Путь его в литературу был непростым. Он никогда не мечтал быть поэтом, пророком в своем Отечестве, голосом народа и все такое. Да и мечтать было некогда! Ведь Николаичу было всего лишь десять лет, когда началась Великая Отечественная война. Десятилетнему мальчишке пришлось стать участником сражений наравне со взрослыми солдатами. Сначала он переводил наши части через линию фронта, потом стал сыном полка. Ребята, вы знаете, кто это – сын полка?

Дети: Да!

Нила: Хотите спросить у Николаича, как он воевал?

Дети: Да!

Нила: Николаич, недавно вышла книга «Мальчишка с Огненной дуги». Это ведь книга про вас?

Николаич (*встает рывком и направляется к выходу*): Ты что тут устроила? Ты хоть понимаешь, что ты несешь?

Нила: Понимаю! Несу разумное, доброе, вечное в массы. Чтобы о вас знали и школьники, и библиотекари. Садитесь, садитесь обратно.

Николаич: Насиделся! Я сидел столько, что тебе и не снилось. У тебя что тут написано? (*Указывает на плакаты.*)

Нила: Где? Ну, это просто девиз о пользе чтения!

Николаич: Без книг мы ничто? Вот то-то и оно! Я и есть это ничто.

Нила: Не понимаю.

Николаич: У меня книг нет. А без книг мы ничто.

Нила (*показывает на полку, там две книги*): А это что?

Николаич: Это из музея. А надо детям в руки дать. (*Уходит.*)

Нила (*дрожащим голосом*): Вот, обиделся. Ничего ему не скажи. Нервы. Ну, ничего, если некоторые себе могут позволить, то я не могу. Не могу сорвать встречу. Слушайте! (*Нила начинает читать по книжке, потом мальчик из зала встает и читает за нее.*) «После гибели отца нас с сестренкой увезли в деревню к бабушке. Потом – война.

У нас во дворе частями Красной армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали за избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить.

Бабушка выскочила из избы с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту.

Когда начинали бить орудия, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое – четверо суток. Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь, – безразличие полное. Хотелось спать. Я не думал, убьют ли меня, закрывал маленького братишку Толика, он тогда живой был.

В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято. Скорее бы бомба попала, кончились муки.

Как сейчас вижу солдатика с оторванной рукой: он сидел, привалившись к избе, обнял уцелевшей рукой остатки пустого рукава и раскачивался из стороны в сторону. Не знаю, отдавал ли себе отчет в происходящем».

Нила (*мальчику, когда тот заканчивает читать и садится на место*): Какой молодец! Как фамилия?

Класс хором: Сопин. Миша.

Нила: Удивительно! Быть не может.

Мальчик (*снова выходит вперед*): Я хочу это знать,

Чтоб до смерти успеть разобраться:

Здесь хрипел раскаленно,

Бил, вздохом заходясь, пулемет.

Здесь оно начиналось,

Мое кровное, крестное братство.

Что годам не подвластно,

Со смертью моей не умрет...

Мальчик: А... почему он... ушел? Не стал рассказывать про сына полка?

Нила: Потому что больно, до сих пор.

Нила включает музыкальный центр. Звучит песня на стихи Николаича. Можно – в исполнении барда.

Заросли блиндажи той войны,

Поржавели бывшие преграды...

Спит в канаве защитник страны —

На груди боевые награды.

Сон и явь – рукопашный удар.

Правый берег и горсточка взвода,

И пристрелянный мертвый плацдарм,

И днепровские красные воды...

Отмытарствовал, отвоевал.
Не шагал на Победном параде,
Был в Потсдаме сражен наповал,
И – посмертно представлен к награде.

А вторично в засаде убит
В побегушке из лесоповала.
Смерть по жизни водила как гид,
Приполярная ночь отпевала.

Спит солдат, много снится ему.
Небо чистое и голубое —
Снятся годы, где грел Колыму,
Не остыв от последнего боя!

Сцена 4. В колонии

Место действия – колония, большой зал, окна в решетках, сцена, висят знамена, транспаранты «Поддержи Святого Иоанна – это духовный символ исправительного учреждения», «Не кури на промзоне – выйдешь раньше на два сезона». Вдоль сцены ходят и стоят охранники с оружием.

Громкоговоритель: Здравствуйте, Николаич, уважаемый. Проходите на сцену. Благодарим вас за согласие выступить в исправительной колонии перед осужденными четвертого и шестого отрядов. Ваша поэзия отражает доскональное знание законов нашей пенитенциарной системы.

Николаич (*в пальто, медленно входит, в руках листы*): Здравствуйте, люди! (*Слышен гул за сценой и аплодисменты.*) Пришел к вам накануне выборов. Но не затем, чтоб вас агитировать. Вас, ребята, агитировать незачем – за кого скажут, за того и будете голосовать. Поэтому обсуждать тут нечего. Минуту. Я понимаю, что охрана стоит, чтоб меня охранять от вас. Но я не боюсь. Я сам зэк со стажем. (*Гул за сценой, аплодисменты.*) Вольно, ребята. (*Охранники опускают оружие.*)

Одобрительный гул засценой: «У-у-у! Сколько отмотал, писатель?»

Николаич: Семнадцать отмотал. Минус два на поселении. (*Гул стихает.*) То, о чем я пишу – я это слишком хорошо знаю.

За все, что выстрадал когда-то,

За все, чего понять не мог,

Две тени – зэка и солдата—

За мной шагают вдоль дорог.

После боев

Святых и правых

Молитву позднюю творю:

Следы моих сапог кровавых

Видны— носками к алтарю.

Есть в запоздалом разговоре,

Есть смысл:

За каждый век и год,

Пока не выкричится в горе,

Пока не выплачется в горе,

Любя, душа не запоеет.

(*Пауза.*)

Будь проклят век, родители и мы,

Наручники, безумие тюрьмы:

Садистские дознания в подвале,

Где не было мучениям конца,

Где к милости напрасной не взывали,

Под сапогами лопаюсь, сердца...

Николаич: Писать я начал, чтобы уметь говорить с собой, понимать, что со мной произошло. Я всегда чувствовал себя одиноким человеком, у которого украдена ласка. Недостаток, недобор, обойденность, нехватка чего-то самого важного. Неистово искал, с кем я мог бы откровенничать. Этот путь привел меня к стихам. Году в сорок втором – сорок третьем, две-

надцати примерно лет, я сидел в деревне в хате, читал об Урале, а за окном была метель. И вдруг стало складываться в голове: «А за окном седой февраль орал. / А за окном – тайга, метель, Урал...». Это поразительно – через полтора десятка лет меня повезут на тот самый Урал под конвоем, но в сорок втором это было смутное ощущение, от которого появилось желание заплакать словами от страшного дискомфорта души. И от этого желания – к первой мохнорылой попытке. Вопросов «когда, что, почему?» еще не стояло. Но была некая предыстория творчества: сделай что-то словами, и станет легче. Мы получали «высшее пенитенциарное» образование: буквы алфавита узнавали из переклички тюремных надзирателей. «На сэ есть, на рэ есть? Кто на хвэ?» – так выкликали счастливцев, которым носили передачи родственники. Грамотой овладевали в «индиях» – до дыр зачитывая обвинилки, прежде чем пустить их на курево. «Индия» – камера, в которой сидели те, кому никогда ничего не приносили. Арифметика – отсиженные и остающиеся по приговорам годы. Был большой временной разрыв, но через годы желание выкрикаться словами пробивалось снова. Непреходящая подавленность заставляла что-то корябать, говорить хотя бы с самим собой.

Аплодисменты.

Действие 2. Праздник

Сцена 5. В котельной

Место действия – газовая котельная, кубы, котлы, трубы и вентили. Из окна солнце. Громкая музыка из радио. Николаиц обходит участок, подкручивает вентили, садится и пишет. Встает, смотрит на показатели. Звонит телефон. Николаиц поднимает трубку.

Николаиц: Алло, дежурный у телефона. Да, смена с восьми утра, сутки. Заменить? Не, это не получится. По семейным обстоятельствам, да... Да, я перезвоню, если что. *(Только кладет трубку, как опять звонят.)* Алло, дежурный у телефона. Я же вам только что ответил, что две смены не смогу. Что? Что вы сказали? Это Петрозаводск?! Ох ты, мать честная. Как, вы сказали, ваша фамилия? А, все понял. Но если она в больнице, то как вы нашли меня? Ах, она сама попросила. Святая женщина. Да Бог с ним, с тиражом. Она бы только выжила. Передайте ей мои пожелания... Да, пусть выздоравливает. *(Хватается за голову и молчит.)*

Петровна *(входит)*: Уже сидит и пишет! Хороший признак. А то я уж боялась...

Николаиц: Да рано еще.

Петровна: На работу опаздываю. Я тебя поздравляю, честно. Такая дата! Вот пирог с грибами. Но ты давай тут не очень. Хорошего тебе дежурства. Чую, непростой будет день!

Николаиц: Вот боится она. А я на работе.

Петровна: И еще есть для тебя сюрприз! Не поверишь.

Николаиц: Неужели еще и чекушка к пирогу? Не верю.

Петровна: Да что ты! Лучше. Я разбирала архив в подвале. Смотри, что нашла. Письмо от Кожина, отзыв на твои стихи.

Николаиц: Вот это ты точно загнула. Где было?

Петровна: Вот оно! Вот! В коробке от телевизора! Я сразу вспомнила, как мы до этого Астафьеву написали. И как Виктор Петрович ответил положительно. Запомнилась характерная, чисто астафьевская фраза про собаку, которая, уж если бросилась лаять, так должна и за порты хватать. Как бы совет – будь смелее.

Николаиц: Ну, не знаю, зачем меня смелости учить. Я в лагерях свое отбоялся. Тут братья-писатели упрекают, что я один так мрачно пишу. Мрачно и загробно. Да, это Кожин, обо мне.

Петровна: А я о чем! Читай.

Николаиц *(читает)*: «Думу» поэта можно определить просто – Великая Отечественная война. Это именно «генеральная дума», это возвышающая боль и скорбная радость, нетленная память детства и в то же время – венец зрелого сознания, дух причастности ко всей громаде народа, и вместе с тем самое личное, самое сокровенное. Это НАДО печатать, и я готов поддержать и публикацию в журнале, и издание отдельной книжки».

Петровна: Вот видишь! Он все понимал. Еще тогда понимал!

Николаиц: Да, я тоже вспомнил. Ну и что, Петровна? Это валялось в редакции столько лет, ему не дали ход. И ни к чему не привело. Все равно пришлось оттуда когти рвать. Сама видишь, Пермь меня никак не приняла.

Петровна: В одном городе отринули, в другом приняли. Нет, я считаю, авторитет Кожина сработал. Стихи-то у тебя какие! Антисоветские, прямо скажем, стихи. Ладно, дело прошлое. Но память-то все равно дорога. Сразу всплыло – как я потом к Кожину в Москву приехала, ну, когда на курсы журналистов пошла. Как он от меня отбояривался. Мы же понимали,

что такое Кожинов. Бог литературный. Рубцову имя сделал. Да и ты состоялся. И книги уже есть. Настоящие!

Николаич: А какой ценой. Редакторша с сердцем в больнице. Вот сейчас звонили из Петрозаводска. Я готов на коленях перед ней стоять, перед этой редакторшей. Помощь оказала бесценную. И не только в правке. Главное – услышала она. А такого собеседника больше нет. У государства ни шиша, и у меня ни шиша.

Во время разговора Николаич ожесточенно курит. Петровна подставляет ему пепельницу, сует носовой платок в карман, кладет на котел пачку бумаги.

Петровна: А ты пить перестань, и все будет. Не срывайся.

Николаич: Петровна.

Петровна: Николаич.

Николаич: Петровна.

Петровна: Николаич!

Николаич: Ладно, иди уже. Опоздаешь. Письмо оставь.

Петровна: Нет! Как раз пирог я оставляю, а письмо заберу. Это реликвия. А то ты задумаешься и на сигарку искрутишь.

Николаич: Да нет, у меня две пачки «Астры» есть. Мне вообще-то мало надо.

Не кипит, не бьется в берега

Черная река судьбы зловещая.

От кого мне было так завещано —

За одну две жизни прошагать?

Белый пар скользит по валунам,

Как дыханье трудное, неровное.

Памяти моей лицо бескровное —

На лету замерзшая волна.

И с тех пор за криками пурги

Слышу, если вслушиваюсь пристально,

Лай собачий и глухие выстрелы,

И хрипящий шепот: «Помоги!..»

Николаич: Да это, ты, наверно, не помнишь. Я его переделал. Но вот в этом, наверно, «генеральной думы» больше? Смотри:

Умудриться бы

В доброй стране как-нибудь

Без ночных визитеров

Свой крест дотянуть.

Для кого и зачем

Я все это пишу?

Свое сердце

От памятной боли гашу.

Целовали меня

Сапогами взасос,

И приклады,

И карцерный хлеб перенес.

Значит, здесь я не лишний.

Знать, для черного дня

В летописцы

Всевышний

Готовил меня.

Петровна на цыпочках выходит. Входят постепенно Гриня, Нила, Филипп, Родион и все, здороваются, обнимают Николаича, садятся кто где. Николаич, будто не замечая, пишет. Над ним северное сияние.

Клим (*входя*): Ну, вот что, Николаич, с днем рождения. Вот! Вот тебе бутылка коньяка (*протягивает бутылку*).

Николаич: Вот это ты засандалил, Клим. Добре.

Клим: Разговор у меня есть. Ты уже сколько лет как сюда переехал? Пора уж тебе, Николаич, к берегу нашему. В Союз. Рукопись смотрел. Поэзии мало, одни лозунги. Но сделано крепко. Если что, я рецензию мигом.

Николаич: Насчет крепко – это все редактор.

Критик: А кто редактор? Кто-то из наших?

Николаич: Галимова. В Петрозаводске.

Клим: Фу, баба.

Николаич: Уж в этом я разбираюсь. Я благодарен ей за то, что она в самые слабые места меня уткнула. Сам бы я не вылушил. Потому что тема есть. А ремесла еще мало. Да зачем мне Союз? Я одиночка! Одиночная камера.

Клим: Как это зачем? Пособие ли будет, пенсия ли...

Николаич: Ага, дадут мне пособие, а я потом говори все по бумажке. Будете гонять по депутатам. Нашли дурака. Что я тебе, пес на цепке?

Клим: Да жить-то надо как-то! Посмотри, легко ли Петровне твоей на трех работах?

За их спинами начинается гудеж и шум. Гриня, Нила, Родион и Филипп говорят, ходят, крутят вентили. Нила подходит к Николаичу и Климу, протягивает им в чашках коньяк. Гриня, Филипп и все подходят чокаться.

Николаич: Баба! А куда мы без нее? А ты, Нил египетский, что скажешь? На семинаре была?

Нила: Была. Разделали под орех. Почему же вы, Николаич, не подсказали, что туда зачем ходить? Что там промывание мозгов и унижение человеческого достоинства?

Клим: Женщина не может быть творцом. Ее дело – щи варить и детям сопли утирать. Литературу им подавай! Ишь они!

Николаич: Не сказал, потому как семинары и восьминары – все одно нары. Не побываешь на нарах – ничего не добьешься. Вашей сестре вход только на спине.

Нила: Ну, Николаич! Зачем вы так грубо! У меня стих есть.

Николаич: Давай, пори по-черному!

Нила: Он был черен, и худ, и ободран, —

Арестованным солнцем за тучей —

Был насмешливо легок и бодр он,

Невозможный, ничей, неминуемый!

Он родился, когда убивали.

Среди горя и тленности выжил.

Рай мифический нужен едва ли —

Ад крошечный привычнее, ближе.

Так возник человек издавна —

Вечный путник без сна и приюта,

И повел он презрительным оком,

Явно знак подавая кому-то.
Подносили шипучие кубки —
Отвергал и еду, и напитки.
Признавал лишь отраву и трубку,
Диких песен измятые свитки.

Протягивает Николаичу сверток, перевязанный лентой.

Николаич (*сопровождает речь жестами*): С неба свесилась веревка. Кто-то свесил там ее? А в окно вползает ловко волосатое ворье. Что это? Это немотивированное начало и непонятное – скачками – развитие! Нужна мысль, которая бы все объединила, связала весь стих в одно предложение. А так все разваливается. Есть, конечно, просветы, есть сильные моменты, догадки, за которыми напряжение, энергетика чувств. Именно это и печалит. Потому что нескладность, оттого – непонятность. Энергетика взрывается там, где не надо, давит автора, волочет за собой. Я спрашиваю, что это?

Нила (*после паузы*): Рубашка. Голубая. Вам пойдет.

Николаич: Я про стих.

Нила: Это посвящение Вам. Непонятно?

Николаич: Она думает, что если мне посвятит, я сразу и упаду. Даже читать не буду. А не в этом дело, не в этом! Надо, чтоб автор управлял текстом, а не наоборот! (*Берет рубашку и рвет на клочки. Все замирают. Нила закрывает руками лицо.*)

Гриня (*издали*): Видать, Нилка согрешила. Что с нее взять, баба. А вот мое, слышите (*влезает на ящик*).

Смейся, Русь, сильнее, звонче смейся!

Это не единственная блажь.

Все несется матерная песня,

Дикий, истерический кураж.

Смейся, Русь, тебе одна утеха,

Пропивай последние гроши.

Всей земле на радость и потеху

Крест нательный, душу заложи.

Смейся, Русь, великая держава,

Светлые дороги впереди.

Серп и молот ты в руках держала,

А теперь их носишь на груди.

Гриня продолжает читать, но его заглушает общий шум. Крики: «Есенищина», «Рубцовщина», «Устарело». Гриня падает с возвышения. Родион подхватывает Крик: «Мы его свержаем, Николаич!»

Клим: Слушай, Николаич, к нам молодежь не идет. Проблема! Из Москвы депеши шлют – принимать молодых. А где они? К тебе молодежь идет?

Николаич: Идет. Сам видишь.

Клим: Так нет, ты их посылай! Чтоб не ходили!

Николаич: А ведь жалко молодежь. И тебя жалко. У нас с тобою, Клим, понимаешь ли, разные задачи. Ты хочешь, чтоб, кроме тебя, никого не было. А я хочу, чтоб остался хоть кто-нибудь. Ты о чистоте рядов рассуждаешь, а в этих рядах люди писать бросают. Поэтому я принимаю огонь на себя, а они за нас обоих долбят. Наливай.

Филипп: Николаич, стихи ваши надо читать на лютom морозе. Чтобы сводило руки—ноги от холода. Как же власти это будут печатать? Эдак и революция случится. Идет забивание последнего гвоздя в гроб российской дурости! Но вся беда в том, что сами дураки этого не замечают. Понимаете, Николаич – вы жертва ГУЛАГа, Петровна – жертва ГУЛАГа. Я – то же самое, жертва ГУЛАГа, только в следующем поколении. Осмелюсь предположить: вся страна Россия – до сих пор еще жертва. И разве любой пионерский лагерь не слепок, не реликт сталинизма? Генератор бомжатников. Наша свобода обманчива, а жизнь – ежеминутное проявление воли против сладкого обмана. Если стихии покажутся кому-то эпатажными, то оттого, что они честные, без лакировки, а это всегда проявление воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.